

ЭСТЕТИКА этого театра — одного из самых молодых в Союзе — только складывается. Она еще не обросла ни штампами, ни традициями. Вот поэтому полезно поговорить о ней именно сейчас, так сказать, «на берегу».

Молод главный режиссер театра «Буратино» Виктор Шрайман... Как и главный художник Марк Борнштейн. Артисты — те просто мальчишки и девчонки. Ох, простите, я вовсе не хотела их обидеть: большинство из них имеет дипломы, некоторые даже опыт работы. И все они вполне основательно считают себя взрослыми людьми: у иных даже есть свои дети. Но я не беру своих слов назад: по мироощущению они именно мальчишки и девчонки, оттого так звонко их искусство. Вот почему я не удивляюсь, когда слышу: «Мы хотим быть современными».

В зал зовет не звонок, а нежная музыкальная фраза. Кажется, открывается музыкальная шкатулка. Музыка и впрямь записана с настоящей музыкальной шкатулки.

В «Веселых приключениях Буратино и его друзей» сцена открыта настежь, а не ней... А не ней — ух, и не разглядишь сразу: квадратами расчерченный веселый помост — кусочек площадки! А за ними старинные смешные фонари, и пестрое белье сохнет прямо на улице, и лесенки убегают в зал и в глубину сцены (художник-декоратор Г. Дробот). Карнавал в двух действиях — так в театре определяют жанр этого спектакля.

Спектакль еще не начался, а театр уже действует: идет беседа с залом — режиссер говорит с детьми и родителями. Хорошее начинание. Родителям объясняют, каких ребятшек водить на такие спектакли, детям — как надо смотреть. И тут выясняются любопытные вещи: оказывается, большинство смотрело спектакль по многу раз. «Буратино» — максимальное число раз — 6. «Сэм-Боз» — иные тоже по 6 раз, но большинство — 3—4 раза, «Белый, рыжий, черный» — половина зала видела 4—5 раз!

Оказывается, теперь, когда ребята знают, что же покажут, они хотят знать еще и как это делается: — Покажите, как читает стихи Пьерол (показывая, Виктор Шрайман имитирует высокопарную «завышающую» манеру читать стихи. В зале хохот: сразу все поняли).

И вот тут, вижу, начина-

ется, собственно, театральная эстетика, специфическая для этого театра. Дети все воспринимают буквально, жизнь на сцене видится им как всамделишная. Но слишком реальное не будоражит воображение, не вызывает вопросов. Вот почему здесь охотно открывают перед детьми «секреты» сцены. Здесь хотят научить детей читать искусство.

Трудная эта задача не решается сразу. В зале 8—10-летние школьники, те самые, что видели каждый спектакль по 3—6 раз. Их

терминал на авансцене каждый раз меняется в зависимости от настроения зала, а детям иногда хочется вернуть актеров к привычному рисунку, они кричат: не так, не так! Иногда детям мешают, что актер выходит из образа и показывает на сцене свое юное человеческое лицо: они хотели бы поверить сказке до конца. Но театру нужно, чтобы они учились анализировать, и он настойчиво заставляет ребенка взглянуть «за кулисы тайны». И вот пятиклассники уже это умеют и с

Только сложившийся человек сможет вместе с театром снисходительно улыбнуться малышу Сэмбо, когда он, упоенный красотой мира, думает, что безоблачно будет всегда. Только взрослый, пройдя дорогу ошибок и трудностей, поймет его отчаяние, когда Малыш испытает одиночество. И только взрослый испытывает гордость в чудесном, полном выстраданном оптимизма финале спектакля. Драматическая поэма — согласитесь, совсем не детский жанр. Но пусть его

театра существуют нежная лирика и обличительный гротеск. Мне понравилось озорство и веселье, пронзительный, полный боли лиризм и твердое убеждение, что ребенок, пусть даже с пяти лет, уже может быть равноправным собеседником взрослого.

Но не случится ли так, что молодой актер, снимая маску своего героя, окажется беднее его и поэтому неубедителен по-человечески? Поселок Светлогорск лежит в степных баранах, туда часа два езды

отделимо от творческого. Самая лучшая эстетика не имеет смысла, если не поставлена на высокую нравственную основу. В спектаклях она есть — именно поэтому она требует высокой гражданской ответственности вне театрального зала.

Можно было и не подливать «ложку дегтя» в рассказ об интересном театре, тем более, что свое отношение я уже высказала артистам. Но промолчать мне показалось неправильным.

У театра этого все впереди. Впереди ответственная встреча со старшеклассниками, для которых уже готовится спектакль «Гасан — искатель счастья». Завоевать старших школьников и студентов будет не просто, и в театре это понимают. А впереди еще встреча со взрослыми зрителями, которые непременно должны стать друзьями театра:

«Не будем глаза закрывать — у многих зрителей Магнитогорска нет еще необходимого уровня художественной культуры, многие из них еще потенциальные зрители. Начать их воспитание рядом с воспитанием их детей по какой-то продуманной системе — дело большой важности. Такой системы пока нет в театре, хотя спектакль для взрослых — «Божественная комедия» — уже задуман».

Между прочим, пьесу Штока ставит и «взрослый» театр — драмтеатр им. Пушкина. У кукольников пока с ними творческих связей никаких. Это ошибка, скажем прямо, двусторонняя ошибка.

Важно таким образом построить воспитательную систему, чтобы максимально сохранить уже найденные, усвоенные духовные ценности личности и отсекает все, что тормозит ее художественное развитие. Это окажется возможным, если взяться за дело сообща. Ведь кукольники уже сейчас озабочены проблемой воспитания воспитателей. Именно педагогов, по крайней мере какую-то их часть, необходимо поднимать до уровня художественной образованности. Это задача первоочередная.

Задачи множатся с развитием самого театра — и это хорошо. На сегодня сделано много: завоевано доверие зрителя, воспитан интерес к театру. Театру предстоит не остановиться в своем стремлении стать центром духовной жизни подрастающих зрителей. Растут дети быстро. А театр должен расти еще быстрее...

М. СТУЛЬ,
ст. преподаватель Челябинского института культуры.

спрашивают, как у взрослых: что вам понравилось? Почему? Не каждый взрослый ответить сумеет. Но здесь хотят, чтобы дети приучались не только смотреть — видеть искусство.

Оживленные дети сначала помогают Карабасу-Барбасу: «Там, там спрятался Буратино!» — кричат они. Потом — опомнились — один-два голоса в зале кричат: «На тропай Буратино!» Но это, скорее, от знания книжки. Дети хорошо понимают, что этот Барбас не страшен беглецам, да не очень и стремится поймать их. Почему ребята помогали Карабасу? «Видимо, приняла условия игры», — говорит режиссер. Тем более, что в какой-то момент автор снимет маску и скажет что-то вроде: «Мешают, понимаешь, работать нельзя», — и зал радостно хохочет и хлопает, а какая-то девочка в разговоре сказала, что артист молодой и веселый, он просто играет старого и злого Карабаса.

Виктор Шрайман рассказывал мне, что спектакль идет импровизационно, ин-

радностью принимают новые, необычные для себя условия игры.

С этим хочется сейчас же согласиться, и вместе с театром мечтается, что из этих ребятшек со временем вырастут тонкие и взыскательные зрители.

Вряд ли есть методы, помогающие узнать, что понимают в спектакле трехлетние зрители. 8-летние скажут об этом сами:

— Про то, как мама-антилопа защищает сыночка. (Это мальчик лет семи).

— Она герой, — добавляет другой мальчик.

— Про то, что нужно слушаться своих матерей, — рассудительно говорит девочка чуть постарше.

— Про зверей.

Ничего, что они не поняли всего в спектакле. В «Сэм-Боз» есть веселое и грустное, серьезное и страшное. С моей точки зрения, спектакль этот во всей его полноте и связи ассоциаций, с его лирической стихийской, большой человеческой грустью, пафосом откровенный может быть понят только взрослым зрителем.

смотрят дети — всех возрастов. Пусть малыши унесут представление о храброй маме и доброте человека. Пусть ребята постарше смутно почувствуют, что жизнь сложна. Пусть подростки задумаются о вещах самых сложных: об опасностях, мужестве, предательстве, отчаянии — и благородстве.

И пусть все без исключения испытуют потрясение. Готова спорить с кем угодно: потрясение, вызванное искусством, не может быть опасно даже в самом нежном возрасте. Потому что если опоздать с его первым воздействием, трудно бывает пробиться к человеческой душе.

«Белый, рыжий, черный» — спектакль для младших, а идеи его вполне взрослые, зрелые. Разговор о дружбе без предрассудков, вне зависимости от цвета кожи — очень актуальный и гражданственный разговор. И очень, кстати, объясняющий.

СНО, что здесь готовая духовно богатая и чутких людей, а в палитре

не плохоньком автобусе. Поселок новенький, там есть интернат и школа, и детский садик, и просторный, но увы, холодный клуб. Артистов здесь ждали с трепетом и любопытством: дети никогда не видели кукольного театра. Но спектакля они не увидели: актеры отказались играть в зале, где температура была 12 градусов. Собрали декорации и уехали, а дети остались стоять на ступеньках клуба...

Юридически абсолютно правы актеры: администрация заранее должна была спланировать условия их труда. Но дети не виноваты, им дела нет до неуязвоч, профессиональных трудностей и проблем. Они ждали чуда, а увидели рассерженных людей с упрямо поджатыми губами. Даже если спектакль привезут в другой раз, забудут ли они этот случай, поверят ли артистам!

Я не считаю, что этот случай не имеет отношения к искусству. Особенность этой профессии как раз в том, что человеческое не-